

ПЛАСТИНКА ИЗ СЛОНОВОЙ КОСТИ

рассказ

Баренцево море.

Качка началась страшная. Чемоданы вырвались из-под койки и вот уже час носились вместе со стулом по каюте. Встать не было сил. Тело взлетало высоко вверх, потом проваливалось в бездну. К горлу подступал комок, зубы сжимались.

И все же предстояло идти в кают-компанию! Капитан Борис Ефимович требовал, чтобы пассажиры непременно являлись к обеду.

Палуба накренивалась, убежала из-под ног. Вокруг корабля висел непроглядный туман. Капитан нарочно отошел подальше от Новой Земли, хотя именно на нее держал курс. Он оставался самим собой, Борис Ефимович, неторопливый, выжидающий и все же успевавший сделать за рейс больше всех других капитанов.

Когда я добрался наконец до кают-компания, капитан сидел на председательском месте, невысокий, сухой, подтянутый и, как всегда, приветливый. Он встретил меня веселым, чуть насмешливым взглядом. Я мог утешиться, посмотрев на бодрых моряков, сидевших по одну сторону

стола, и таких же жалких, как я, страдавших от качки, пассажиров по другую его сторону.

— Неужели против морской болезни нет средств? — спросил я доктора, с ужасом поглядывая, как моряки принялись за ненавистную мне сейчас еду.

Врач пожал плечами, а капитан ответил за него:

— Есть средство. Мы, моряки, стараемся работать побольше.

— Поставьте нас кочегарами, — взмолился я.

— Смотрите, припомню! — пригрозил капитан и вдруг спросил: — А в шахматы кто играет?

Оказалось, что играть умеют все, кроме старшего механика Карташова.

— Турнир, что ли, организуйте, — предложил капитан.

— Какая тут игра! — махнул рукой второй помощник, глядя на наши зеленые лица.

— Не скажите, не скажите, — серьезно возразил капитан. — Шахматы для нас, полярников, большое дело! Они приходят на помощь в очень тяжелых случаях. Вспомните челюскинцев. Раздавленный корабль на дно пошел. Остались люди на голом льду за тысячи миль от жилья. Самолеты в Арктику тогда еще почти не летали. А челюскинцы на льду шахматный турнир устроили. Играть в шахматы можно было только при крепкой вере в помощь, которую пришлет им Советская страна. И пришла помощь, пришла... шахматный турнир едва закончили.

— Так вот о шахматах, — капитан загадочно улыбнулся. — Арктическая это теперь игра. Матчи между островами постоянно разыгрываются. А известна была эта игра в древние времена в далекой жаркой стране, в Индии. И пришлось мне однажды в этом самому убедиться.

— Когда это вы убедились? — спросил старший помощник. — Не во время ли того рейса, когда торговый пароход на Дальний Восток перегоняли?

— Вот именно. Надо было этот торговый пароход до начала арктической навигации доставить из Архангельска во Владивосток, —

начал рассказывать капитан. — Мне это и поручили. Маршрут был интересный. Через Гибралтар, Суэцкий канал. В последний год английского владычества в Индии довелось нам зайти в Калькутту. К вечеру я съехал на берег, побывал у портового начальства, потом пошел посмотреть, что за город. Порт грязный, обыкновенный. Пакгаузы длинные, низкие. Улицы асфальтированные, дома и автомобили европейские, ну, а нищие... местные. На перекрестке полисмен.

Поражала пестрота нарядов. Не нарядная пестрота, а пестрота контраста. Европейцы в белых костюмах и пробковых шлемах и полуголые люди в рубищах, худые, с огромными черными глазами. Медлительные прохожие в чалмах и шумные английские солдаты, береты, рубашки хаки... Прекрасные леди в автомобилях и нищие на панелях...

Мне хотелось приобрести какую-нибудь индийскую безделушку на память. Я остановился перед витриной лавчонки, но увидел там только дешевенький товар, конечно, американского производства.

Прохожие в Калькутте ходят медленно, часто останавливаются, словно спешить некуда. А впрочем, жарко там.

Сначала я не обратил внимания, что многих идущих останавливал бедно одетый индеец. В руках он держал вечную американскую ручку, которую и предлагал прохожим. Вначале я подумал, что ему хочется продать ее. Один прохожий взял эту ручку. Индеец протянул ему книгу в переплете, и прохожий что-то написал на белом листке.

Хмурый полицейский направился к индийцу. Прохожий завернул за угол. Индеец тоже быстро зашагал. Видно, полицейскому было лень идти быстро в такую жару. Он остановился.

Индеец поравнялся со мной, прямо-таки ожег меня своими чернущими глазами и сказал на английском языке. «Моряк, все люди должны бороться против войн. Подпишите воззвание».

Так вот зачем у него вечная американская ручка!

Я улыбнулся и ответил тоже по-английски: «Благодарю за обращение, но я уже подписал это воззвание». — «Подписали? Уже? —

не то удивленно, не то обрадованно сказал индеец. — Где же?» — «В Ленинграде», — ответил я.

Индеец преобразился, как будто узнал старого знакомого. Он стал трясти мою руку, глядя мне в глаза и улыбаясь.

«Вы русский? Вы советский человек? — взволнованно говорил он. — Как я рад, что вас встретил! Мы так много думаем о вашей стране...»

Полисмен прошелся мимо нас, заложив руки за спину. Индеец не обратил на него внимания.

«Вы первый советский человек, которого я вижу. — говорил он. — Мне бы хотелось... Знаете, возьмите этот подарок. Здесь знаки величайшей мудрости. Законы перемен. Они были найдены при раскопках».

Индеец сунул мне в руку пластинку из слоновой кости с вырезанными на ней рисунками.

Это была тончайшая работа древних мастеров. Как неожиданно исполнилось мое желание!

Индеец простился со мной. Я решил идти на набережную, где меня ждал катер с корабля.

Прежде чем завернуть за угол, я оглянулся.

Индеец остановил группу прохожих и что-то горячо говорил им. Среди остановившихся было двое солдат в беретах. Индеец протягивал вечную ручку. Кто-то взял ручку. Прохожие подписывали воззвание.

Полисмен подошел к ним в сопровождении какого-то человека в штатском и закричал. Индеец возвысил голос, видимо, протестуя. Прохожие тоже зашумели. Английские солдаты отошли в сторону. Полисмен и шпик схватили индийца за руки. Индеец вырывался и кого-то искал глазами. Полицейские тащили его на мостовую, он упирался.

Прохожий, у которого осталась вечная ручка, книга и бланк возвания, что-то кричал вслед арестованному. Полицейский угрожающе повернулся к нему.

Тогда человек, оставивший у себя книгу и ручку, быстро зашагал по тротуару и тотчас остановился перед двумя другими прохожими, протягивая им ручку и книгу с бланком.

Мне нужно было спешить на набережную. Я ощупал в кармане тонкую пластинку из слоновой кости.

— Что же было нарисовано на пластинке? — спросил второй помощник.

— Из-за этого я и начал свой рассказ. Ведь шахматы давно стали своеобразным международным языком. Они пришли из древней Индии. Вот и моя пластинка была украшена золотыми инкрустациями, которые, однако, не были письменами. Изображены на ней были рисунки шахматной доски.

— Где же пластинка? — спросили мы.

Капитан хитро улыбнулся.

— Может быть, я отослал ее в Москву, ученым. Уж верно, она представляла кое-какой интерес. Но, если хотите, я нарисую вам, что было на ней изображено.

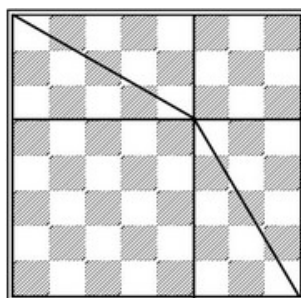
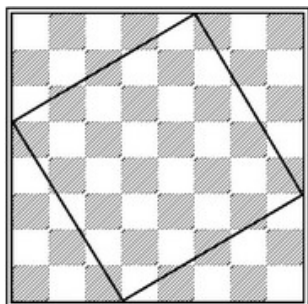
— Просим, просим! — зашумели мы.

Откуда-то взялась бумага. Капитан нарисовал на ней четыре аккуратные шахматные доски. На две из них он нанес несколько прямых линий, а на двух других старательно нарисовал шахматные фигуры.

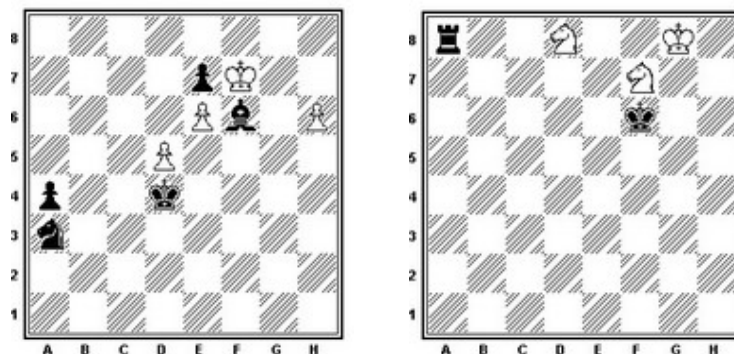
— Вот что было изображено на индийской пластинке из слоновой кости. Я просидел над этими рисунками много ночей, но ничего не придумал. А ведь индус сказал мне о какой-то удивительной древней мудрости, заключенной в этих рисунках. Так вот. Может быть, кто-нибудь из вас откроет эту тайну?

Все тотчас принялись срисовывать себе таинственные рисунки. Каждый решил во что бы то ни стало разгадать тайну индийской пластинки.

Два рисунка совершенно непонятны. Почему шахматная доска перечеркнута какими-то линиями? Что это может обозначать?

Два других рисунка, несомненно, представляли положения из разных шахматных партий. В первой партии белые проигрывают. У короля нет ни одной фигуры, а у черных — слон и конь, да еще сильнейшая проходная пешка. Во второй партии явная ничья. Черная ладья против двух белых связанных коней. Мне бросилось в глаза, что в этих двух позициях, кроме королей, нет ни одной одинаковой фигуры!

Я просидел над индийской загадкой до самого ужина.

Давно у нас в кают-компании не было такого шумного сборища. Говорили только о таинственных рисунках.

Старший механик к ужину опоздал, и капитан послал за ним буфетчицу Катю, кстати сказать, сильно страдавшую от морской болезни.

Старший механик влетел в кают-компанию с криком:

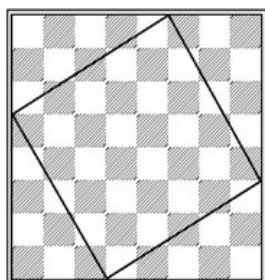
— Нашел, товарищ капитан! Нашел!

Капитан поднял руку.

— Только после ужина.

Механик принялся за еду.

— Я, конечно, человек не очень ученый... Я практик. Но, по-моему, это гениально, — говорил он, уплетая за обе щеки. — Это просто как бы сказать, вклад в науку!

— Но ведь вы же не играете в шахматы? — вскричал доктор.

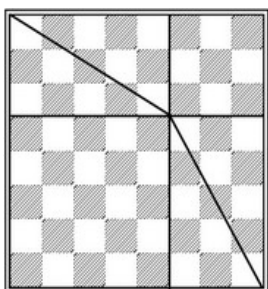
— И не требуется, — невозмутимо ответил Карташов.

Ужин был поглощен мигом. Волны ревели за бортом, переваливали корабль с боку на бок, а мы сгрудились около старшего механика и слушали его объяснения.

— Вы посмотрите, что нарисовано на первом рисунке. Квадрат. Он касается углами сторон шахматной доски. Из чего состоит вся площадь шахматной доски? Она разбита на этот квадрат и четыре одинаковых прямоугольных треугольника. Вы видите эти треугольники? Они по углам.

— Видим, видим! — закричали мы.

— А теперь посмотрите на второй рисунок. Вы видите эти же треугольники?

— Не видим. Где они?

— Они соприкасаются гипотенузами... попарно.

— Да, да! Верно!

— Треугольники точно такие же, значит, они занимают такую же площадь. Следовательно, оставшаяся на шахматной доске площадь без треугольников на этом втором рисунке точно такая же как и на первом.

— Конечно, та же самая!

— Ну, а посмотрите, из чего она состоит, что это за квадраты? — хитро спросил механик. — Один из них маленький — построен на малом катете, а другой побольше — на большом. А теперь взгляните на квадрат первого рисунка! На чем он построен?

— Ох, черт возьми! На гипотенузе! — закричал доктор.

— Это значит, что площадь квадрата первого рисунка равна площадям двух квадратов второго! Так? — спросил механик, оглядывая нас торжествующим взглядом.

— Квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов! — вымолвил я вне себя от изумления.

— Я не слышал о таком доказательстве теоремы Пифагора! — восторженно заявил второй помощник.

— Пифагоровы штаны на все стороны равны. Доказать это мне всегда казалось очень сложным, — признался врач.

— Да, доказательство знаменитого древнегреческого математика, как мне кажется, действительно уступает этой древнеиндийской

мудрости, — сказал молчавший до сих пор профессор, участник географической экспедиции. — Это чуть ли не настоящее открытие.

Все мы увлеченно зашумели и тут только обнаружили, что капитана между нами нет. Старший механик был делегирован на мостик, чтобы сообщить о своем открытии.

Я вернулся к себе в каюту и не мог думать о сне. Чемодан по-прежнему старался выпрыгнуть из-под койки, но я не обращал на него внимания. В моем воображении рисовалась таинственная пластинка из слоновой кости индус с узким темным лицом и пронизывающими глазами и наконец рисунки древнего гениального математика, который, может быть, задолго до Пифагора решал геометрические задачи более простым и остроумным способом, чем все последующие поколения!

Но что за шахматные позиции поставил древний математик рядом со своим замечательным доказательством? Какое уважение к древней игре он имел, равняя ее с геометрией!

Я просидел над индийскими позициями целую ночь, весь следующий день и следующую ночь.

И я все-таки решил индийскую загадку.

Мне открылся целый мир борьбы, неожиданностей, эффектов ярких, как фейерверк, лукавства, хитрости, смелости, точного расчета и тончайшего остроумия.

Мое сообщение об открытии тайны индусской пластинки было сенсацией. Явились все, кто знал шахматы и кто не знал шахмат. Я обещал разгадку одинаково интересную для всех.

Кают-компания оказалась набитой до отказа.

Один лишь капитан находился, как всегда, на мостике. Корабль осторожно подбирался к Новой Земле. Мыс Желания, названный так Баренцем в ознаменование его страстного и неосуществленного желания пробиться через льды на восток, остался севернее. Туман все еще скрывал от нас берег.

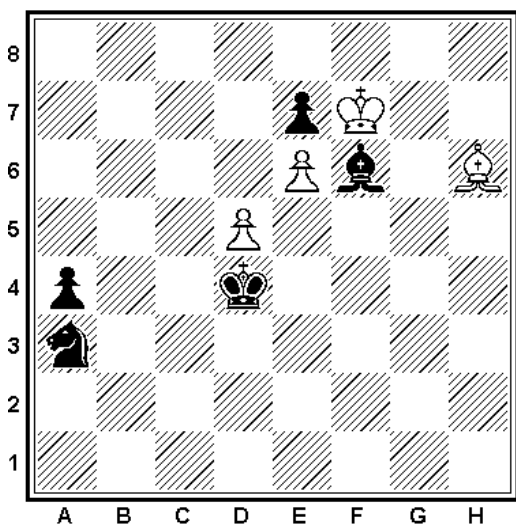
Я обвел глазами присутствующих.

— Черные в первой позиции неизмеримо сильнее. Позиция белых безнадежна. Не правда ли?

Все согласились.

— Тем не менее... Они сделают ничью!

— Не может быть! — изумились все играющие, а неиграющие стали торопить меня, чтобы я скорее открыл им тайну пластинки.

Волнуясь, я стал показывать решение удивительной позиции.

Даже неиграющие напряженно смотрели на доску.

Я показывал: **1. d6! Kb5 2. d : e7 Kpe5**

— Черные ждут появления белого ферзя, чтобы уничтожить его, но... **3. e8=K!** — Появляется новый, подлинный герой предстоящей

увлекательной борьбы. **3... Ch8 4. Kpg8** - чтобы убрать слона с дороги пешки. Черные хитро идут навстречу желанию белых, рассчитывая запереть вражеского короля в ловушке. **4... Kp : e6 5. Kp : h8 Kpf7 6. h7!** Готово! Замысел черных выполнен. Но почему белые так кротко послушны? Ведь у черных есть ход **6... a3**. Но теперь неожиданно бросается в бой белый конь - **7. Kd6+**. Взять его нельзя. Белым... пат! Но черные настолько сильны, что могут даже отдать собственного коня, неизбежно проводя неукротимую пешку! **7... Kpf8 8. K : b5 a2 9. Kd4**. Лукавый конь, не правда ли? Он встал так, что черные не могут поставить ферзя. Белым снова будет пат!

— Ишь, ты! — восхитился кто-то из окружающих меня.

— Но черные не уступают белым в изобретательности, и вместо ферзя они поставят...

— Так не коня же! Что толку! — отозвался тот же голос.

— Ладью! — торжествующе возвестил я. — Пата нет, а угроза мата белым есть.

— Это верно, — согласились со мной зрители.

— Итак, **9... a1=Л!**. В бой входит новая дальнобойная сила, куда более мощная, чем конь. Но у белого коня есть резвость скакуна и - очередь хода! **10. Ке6+ Kpf7 11. Kd8+ Kpg6**. Черные решились. Избегая преследования, они выпускают белого короля (иначе будет повторение ходов). Они увидели далекий финал и свое торжество. Пусть белые проведут своего ферзя и в ту же минуту получают смертельный удар! Но ведь в борьбе выигрывает тот, кто дальше рассчитал! **12. Kpg8 Ла8**. Занесена "черная рука" для смертельного хода Л : d8 мат, но... снова отказываются белые от могучей фигуры и ставят на доску второго коня — **13. h8=К+!**. Разящая рука на миг повисла в воздухе, надо отойти черным королем - **13... Kpf6** и теперь **14. Khf7**, и ничья. Кони встали нерушимо. Черная ладья так и не успела взять коня d8 с матом.

— До чего же здорово! — восхищался доктор.

— А по-другому никак черные не могли? — спросил кто-то.

— Почему же? Могли на первом ходу сыграть **1... Kc4**, — показал я. — Тогда **2. d : e7 Kpe5 3. e8=K Ch8 4. h7! a3 5. Kpg8 Kp : e6 6. Kp : h8 Kpf7 7. Kd6+ Kpf8 8. K : c4 a2 9. Ke5!!** — именно сюда. У белых новый замысел. Атака белым конем принесет вечный шах: **9... a1=Л 10. Kd7+ Kpf7 11. Ke5+ Kpf6 12. Kd7+** и так далее. Ничья!

— А теперь посмотрите-ка на пластинку из слоновой кости, - предложил доктор.

— Что-нибудь еще? — заволновались зрители.

— А как же! — торжествующе показал доктор. — Вы только взгляните. Позиция с двумя конями из главного варианта это и есть второй шахматный рисунок на пластинке.

— Она получилась из первой, — подтвердил я.

— Это казалось невероятным! Ведь переменялись все фигуры! — слышалось со всех сторон.

— Кроме королей, — заметил я.

Действительно! В результате непреложной логики, подобной той, которая вытекала из индийского доказательства теоремы Пифагора, все на доске переменялось. Старые фигуры исчезли, как по волшебству, появились другие в новом, равном соотношении сил.

Все шумно изумлялись выдумке неведомого поклонника шахматной игры.

Когда мы подняли головы от доски, то увидели капитана. Он с улыбкой смотрел на нас.

— Капитан! — выпренне начал врач. — Мы благодарны вам за чудесные индийские творения в области математики и шахмат.

Это подлинная поэзия ума!

— Подождите, — прервал я. — Здесь есть еще одна неоткрытая тайна.

— Еще одна? — удивились все, и даже капитан.

— Да, да! Я берусь доказать, что никакой пластинки из слоновой кости не было!

— Как так не было? — возмутились все присутствующие.

— Не было, — настаивал я. — Мы должны восхищаться не индийской мудростью, а замечательным поэтическим искусством нашего капитана-этюдиста! Я никак не думал, что наш полярный капитан и есть тот мастер этюдов, произведениями которого я так часто восхищался.

Капитан смеялся. Все с изумлением смотрели на него.

— А ведь неплохое лекарство от морской болезни? — спросил капитан.

— От морской болезни? — все переглянулись.

— В самом деле! А мы и забыли о ней!

Капитан спросил меня:

— Как же вы догадались?

— Очень просто. Ведь черные не могли поставить ферзя, боясь из-за пата связать белого коня.

— Правильно.

— Но ведь ферзь в древние индийские времена не обладал современной дальностью.

— Ох, верно! — засмеялся Борис Ефимович. — А я совсем позабыл об этом усовершенствовании шахмат.

— Вот вам последняя тайна пластинки. Ее не было!

— Ошибка! Дело не в шахматах. Пластинка все-таки есть. — Капитан достал из внутреннего кармана кителя небольшую белую пластинку.

С любопытством мы рассматривали ее. Пластинка из слоновой кости! Золотые инкрустации. Таинственные рисунки. Два из них знакомы нам. Это доказательство теоремы Пифагора. А два других вовсе не шахматные! На одном из них очертание страны - Индии и на нем два скрещенных ножа. На другом те же очертания Индостанского полуострова, но на его фоне... пожимающие одна другую руки.

— Вот что подарил мне индеец. Смысл рисунка таков: истинная мудрость, говорят первые рисунки, не во вражде народов Индии, а в их дружбе - заканчивают вторые. Под впечатлением этих рисунков и я составил свой этюд.

— А теорема Пифагора? — спросил старший механик.

— О ней я слышал и раньше. Доказательство было обнаружено при каких-то раскопках. Им увлекался еще Лев Николаевич Толстой. Еще раз простите мою шутку, но она помогла вам вылечиться от морской болезни. Чтобы не страдать от нее, надо найти себе занятие, которое вас поглотит полностью. А я пойду на мостик. Туман раздергивает.

Я пошел за ним следом. Тогда, четверть века назад, когда мы плавали на "Георгии Седове", я не мог рассказать ему, что много лет спустя после публикации этого рассказа я обнаружу в школьном учебнике своего сына доказательство теоремы Пифагора, так знакомое мне по давнему арктическому плаванию.

Оно совсем не походило на неуклюжие пифагоровы штаны моих школьных дней. Из ста восьмидесяти доказательств теоремы Пифагора в школьные учебники ныне взято именно древнее индийское, изображенное на призывающей к дружбе пластинке из слоновой кости.